

image not found or type unknown

Изучение истории науки дает возможность понять логику ее развития, объективно оценить достижения и ошибки прошлого. Без знания истории невозможно осмыслить современное состояние науки, выявить происхождение многих «революционных» идей. История предостерегает нас и от повторения ошибок, и от повторных открытий.

Криминология возникла как закономерный результат эволюции теоретических представлений о преступности и практических подходов к ее предупреждению. Не случайно криминология как самостоятельная наука сложилась именно в XIX в., когда естественнонаучные методы стали распространяться и на изучение общественных явлений. В XIX в. возникла и первая опытная наука об обществе — социология. Так что криминология формировалась не в стороне от «столбовой дороги» современного ее научного познания. Но всякая история науки имеет свою предысторию.

Ранняя история криминологии

Преступность возникла в рабовладельческом обществе вместе с государством как особым органом управления обществом и правом как регулятором общественных отношений. С тех пор люди пытаются понять происхождение и природу преступности, выработать средства борьбы с ней. Но интерпретация этих проблем, естественно, была различной в разные исторические периоды.

Уже в трудах Платона и Аристотеля были обозначены принципиальные подходы к пониманию связи преступлений с социальными условиями. Эти подходы не потеряли своего значения до настоящего времени, хотя, конечно, древние греки не анализировали феномен преступности в современном понимании этого термина.

Великие древнегреческие философы связывали массовость нарушения законов с правильным (справедливым) устройством государства.

Справедливое государственное устройство, которое воспитывает у граждан уважение к законам и отвращает от их нарушения, должно обладать по крайней мере следующими чертами: отсутствием чрезмерного социального и экономического неравенства; стабильностью законов; борьбой с мздоимством (коррупцией) должностных лиц; созданием возможности для граждан, особенно

молодежи, иметь высокооплачиваемую работу.

Аристотель первым обосновал социальную роль «среднего класса» как основы стабильности государства. Эти положения вполне соответствуют принципам социального рыночного государства, которое стремится построить Россия.

В Средние века преступник рассматривался в качестве грешника, искушаемого дьяволом к нарушению божественных заповедей. Преступление рассматривалось как грех, ересь. Способ воздействия — кара, но, исходя из принципа христианского милосердия, наказание должно быть гуманным, без пролития крови (сожжение на костре). Цель наказания — изгнать дьявола, очистить от ереси, спасти христианскую душу (путем умерщвления тела) от враждебного влияния.

Революция в сфере духа, произведенная Просвещением, имела одним из следствий новое понимание сущности человека. Человек не есть игрушка в руках внешних сил (дьявола), он является разумным и наделенным свободной волей существом. В эпоху Просвещения человек рассматривался как разумный эгоист, желающий получать удовольствия и стремящийся избежать страданий.

Преступник, совершая преступление, стремится получить выгоду от содеянного. Цель наказания — сделать совершение преступлений невыгодным. Отсюда вытекает и пропорциональная система наказаний: преступник должен испытать страдания пропорционально содеянному.

Человек как существо разумное может нарушать естественный порядок вещей только из-за незнания этого порядка, вследствие своего невежества. Поэтому для предупреждения преступлений надо просвещать людей, доводить до их сведения содержание разумных законов.

В работах просветителей XVIII в. Шарля Монтескье «О духе законов» (1748) и Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (1764) были изложены фундаментальные идеи, которые впоследствии во многом определили развитие криминологии, — о факторах преступности, о примате предупреждения над наказанием, о роли социальных институтов в предупреждении преступлений и т.д. Монтескье отмечал, что мудрый законодатель заботится не столько о наказаниях за преступления, сколько о предупреждении преступлений. Беккариа основным средством предупреждения преступлений считал воспитание, которое пусть и самое трудное, но зато самое верное средство. Главными субъектами воспитания являются семья и государство.

Кроме идеи предупреждения, Монтескьё заложил основы теории факторов. Он считал, что поведение людей, в том числе преступное, определяется разного рода факторами. К таким факторам он относил образ правления, характер законодательства, климат, качество почвы, образ жизни, религию, численность населения, обычаи и т.д. Теория факторов сыграла огромную роль в становлении криминологии как науки, она было господствующей методологией на ранних этапах развития криминологии, да и в настоящее время имеет своих сторонников.

Но ни Монтескьё, ни Беккариа, несмотря на сформулированные ими принципиальные положения, не могут считаться основателями криминологии. И дело не в том, что Монтескьё в своем трактате уделял основное внимание проблемам философии права, а Беккариа — уголовного права. Само понимание просветителями сущности права и природы преступного поведения являлось рационально-умозрительным, что не позволяло выработать представление о преступности как объективно существующем явлении. А без этого не может быть объекта научного исследования.

Отцами-основателями криминологии считают итальянского профессора медицины Чезаре Ломброзо (1835—1909) и бельгийского астронома и математика Адольфа Кетле (1796—1874). Ч. Ломброзо рассматривал преступность как естественное природное явление, подобно рождению и смерти, А. Кетле — как объективное социальное явление. С их именами связано формирование двух основных направлений (школ) в криминологии — антропологического и социологического.

Они впервые при изучении преступности применили научные методы: Кетле — статистические, Ломброзо — антропометрические.

Тем самым они сформировали предмет криминологии.

Однако насколько примененные методы были адекватны объекту, и каким стал в дальнейшем предмет этой науки?

XIX век — это век естествознания, его идеалом является опытное, «позитивное» знание. Наука не знает границ, естественнонаучным методам познания подвластно все, в том числе мораль, право, общественное устройство, — все то, что раньше было предметом метафизики и спекулятивных умозрительных построений. Стилю научного мышления XIX в. были одинаково чужды как обскурантизм Средневековья, так и морализаторство просветителей. Говоря современным языком, лидерами естествознания в XIX в. были физика (механика И. Ньютона) и биология (эволюционная теория видов Ч. Дарвина).

Именно эти науки определяли стиль научного мышления своей эпохи.

Особенности этого стиля мышления наложили зримый отпечаток на сам процесс формирования криминологии — понимание объекта исследования, применяемых методов и т.д.

Антропологическое направление в криминологии

Как известно, эволюционная теория Ч. Дарвина оказала огромное влияние на науку своего времени. Основные положения его теории, особенно учение о естественном отборе, были применены и для изучения развития общества (социал-дарвинизм).

Ч. Ломброзо перенес некоторые положения эволюционной теории Дарвина на область исследования преступности. В своей работе «Преступный человек, изученный на основе антропологии, судебной медицины и тюрьмоведения» (1876) он истолковал преступление и личность преступника в терминах биологии и антропологии.

Первоначально Ломброзо руководствовался идеями френологии — концепции, которая утверждала, что отдельные психические способности локализуются в определенных участках мозга, и эти участки имеют свои специфические проявления на внешнем рельефе черепа.

И вот однажды Ломброзо обнаружил на черепе каторжника целую серию атавистических ненормальностей, аналогичных тем, которые имеются у приматов. Он понял, что проблема сущности и происхождения преступности для него разрешена. Преступник — это атавистическое существо, которое воспроизводит в своей личности инстинкты первобытного человека и животных. Позднее к причинам преступного поведения наряду с атавизмом он относил эпилепсию и нравственное помешательство.

Преступниками не становятся, а рождаются. Причинами преступного поведения являются врожденные индивидуальные качества.

Прирожденного преступника легко отличить по внешнему виду: у него скошенный лоб, высокие скулы, огромные челюсти, выдающиеся надбровные дуги и т.д. Этими чертами обладают преступники, дикари и обезьяны. Как и дикари, преступники любят татуировать свое тело. Говоря языком современной биологии, Ломброзо считал, что существует вполне определенный преступный генотип, который выражается во вполне определенном фенотипе.

Ломброзо разработал таблицу признаков (стигм) преступного типа, многие из которых можно выявить путем непосредственного измерения и изучения тела человека. На этой основе он создал типологию преступников (убийц, воров, насильников, мошенников), в которой каждому типу соответствуют лишь ему присущие черты.

Как иронизировали современники Ломброзо, рекомендации его теории по обращению с преступниками весьма просты: измерить, взвесить... и повесить.

Взгляды Ломброзо претерпели значительную эволюцию во многом под влиянием Энрико Ферри (1856—1929), профессора права Римского университета. В частности, он отказался от понятия «преступный человек» и стал говорить о прирожденных преступниках, которые не составляют большинства среди всех преступников.

Э. Ферри принял пятичленную классификацию преступников: 1) душевнобольные; 2) прирожденные; 3) привычные; 4) по страсти; 5) случайные. Он стал признавать существенную роль неантропологических факторов (выделил 16 групп факторов такого рода), особенно в отношении привычных и случайных преступников, и перестал фатально связывать антропологические особенности прирожденного преступника с его поведением, признав корректирующую роль благоприятных социальных условий.

Ферри в работе «Уголовная социология» (1881) систематизировал эти факторы и дал им определения, которые стали классическими.

Считая, что все поступки человека являются продуктом его физиологической и психической организации и физической и социальной среды, в которой он растет, Ферри выделил три категории факторов преступности: 1) антропологические, или индивидуальные, 2) физические; 3) социальные.

Антропологические факторы Ферри делил на три подкласса.

Первый касается органического строения преступника: аномалии черепа и мозга, рефлекторной деятельности, особенности физиогномики, татуировки. Второй подкласс — психическое строение, умственные и психические аномалии, жаргон. Третий — личные признаки: возраст, пол, род занятий, образование, гражданское состояние.

К физическим факторам он относил климат, почву, метеоусловия, времена года. К социальным — плотность населения, состояние промышленности, законодательство, экономический и политический строй, распространение алкоголизма, общественные нравы и религию.

Ферри сформулировал закон «насыщения общества преступностью». Этот закон говорит о наличии определенной пропорциональности между численностью населения, живущего в определенной среде, и количеством совершаемых преступлений. Из этого закона следует, что для преступности существуют как верхний предел, «порог насыщения», так и нижний: в любом обществе всегда будет совершаться определенное количество преступлений, вызываемых наследственными, антропологическими факторами. Социальная среда и прирожденные наклонности людей являются весьма устойчивыми феноменами, не поддающимися быстрым изменениям.

Исходя из детерминированности поведения человека биологическими и социальными факторами, Э. Ферри в диссертации «Теория невменяемости и отрицание свободной воли» подверг критике центральный постулат классической школы уголовного права — принцип свободы воли как основание уголовной ответственности. Если поведение человека не зависит от его воли, то понятия вины и воздаяния за содеянное становятся бессмысленными. Обществу нужно не наказывать преступников (они не виноваты), а защищаться от них (и оно в этом не виновато). Место наказания должны занять «меры социальной защиты»: лечение, изоляция или уничтожение преступников.

Наказание (репрессия), даже самое суровое, в борьбе с увеличивающейся преступностью демонстрирует свою полную неэффективность.

Ферри разработал концепцию эквивалентов (заменителей) наказания, действительно способных сдержать рост преступности. Эти эквиваленты, говоря современным языком, представляли собой систему общесоциальных и специальных мер предупреждения: от ограничения монополий, борьбы с безработицей, сокращения производства и продажи алкоголя до устройства ночного освещения улиц и применения рентгена при досмотре багажа.

Ферри разработал понятие «опасное состояние личности» как показателя индивидуального агрессивного потенциала, свидетельствующего о возможности лица совершить преступление. Причем опасное состояние может реализоваться не только в преступлении, но и в других антиобщественных поступках.

Английский исследователь Ч. Горинг провел обширное сравнительное статистическое исследование антропологических типов среди заключенных английских тюрем, студентов и солдат. В работе «Английский заключенный» (1913) он достаточно доказательно опроверг положения учения Ломброзо о прирожденном преступнике.

В результате этого и других исследований ломброзианская теория стала терять кредит доверия среди криминологов.

Чаще всего идеям Ломброзо дается однозначно отрицательная оценка, что не вполне справедливо. И если вклад антропологической школы в теорию уголовного права (понятие опасного состояния личности, концепция социальной защиты и т.д.) действительно вызывает весьма неоднозначные оценки, то для криминологии значение его работ, впервые поставивших в центр научных исследований личность преступника, сомнений не вызывает.

В заслугу Ломброзо можно поставить и то, что на основе своих исследований он создал прообраз современного полиграфа (детектора лжи) — сфигмограф, который фиксировал некоторые физиологические параметры (изменение циркуляции крови) организма преступника.

Ломброзианские идеи в XX в. развивала так называемая клиническая криминология (Б. ди Туллио). Она считает преступность медицинской проблемой, а преступника — больным человеком, нуждающимся не в наказании, а в лечении.

Клиническая криминология исходит из концепции «опасного состояния личности», измерить которое может не судья, а эксперт-клиницист.

Ему, а не судье должна принадлежать главная роль при определении вида и размера наказания (и, соответственно, приговор должен быть неопределенным, до излечения преступника). Предлагаемые сторонниками клинической криминологии меры предупреждения не всегда отличались гуманностью (лоботомия, электрошоковое воздействие, стерилизация и т.д.).

Антропологи в объяснении преступности и ее причин стояли на позициях антропологического детерминизма — сводили социальное к биологическому. С противоположных позиций — позиций социального детерминизма — объясняли преступность представители другого направления — социологического. Но социологи, также как антропологи, в объяснении причин преступности придерживались методологии теории факторов.

Социологическое направление в криминологии

В рамках социологической школы были сформулированы принципиальные положения о зависимости преступности от условий социальной среды, об устойчивости основных параметров преступности и о возможности ее прогнозирования.

Сообразуясь с научными идеалами своего времени, А. Кетле отмечал: «Цель моя — показать, что в мире, где многие упорно видят только беспорядочный хаос, существуют всемогущие и неизменные законы». Законы, управляющие социальными процессами, столь же точны и неизменны, как законы механики, и аналогичны им (действие равно противодействию; общество, как и любая система, стремится к равновесию и т.д.). Эти законы едины для всех эпох и народов». Поэтому не случайно и главный труд Кетле назывался «Человек и развитие его способностей, или Опыт социальной физики».

Законы можно сформулировать только для устойчивых, повторяющихся явлений. С феноменом постоянства и цикличности социальных явлений Кетле столкнулся при изучении демографической статистики. Применяв тот же статистический метод к изучению преступности, он понял, что число совершаемых преступлений из года в год остается почти постоянным, да и структура преступности является стабильной. Из этого он делает далеко идущий вывод: «Мы можем с полной достоверностью подсчитать, сколько человек запачкают свои руки кровью ближнего, сколько будет подлогов, отравлений; мы можем это сделать почти с такой же точностью, с какой предсказываем количество смертных случаев и рождений в ближайший год». Преступления, учтенные в большом масштабе, говорил Кетле, обнаруживают такую же закономерность, как и явления природы.

Признание прогнозируемости преступности означает признание и ее детерминированности, причем чисто социальной: «Общество заключает в себе зародыши всех имеющих совершиться преступлений, потому что в нем заключаются условия, способствующие их развитию; оно, так сказать, подготавливает преступление, а преступник есть только орудие». Действия преступника так же подчинены социальным законам, как падение камня — закону всемирного тяготения.

Поскольку причины преступности кроются главным образом в общественном устройстве, то для Кетле вполне очевидно и основное направление борьбы с ней: «Нет сомнения, что достаточно было бы изменить причины, управляющие нашей социальной системой, чтобы изменились также печальные результаты,

встречаемые ежегодно в летописи убийств и самоубийств». Повлиять на преступность можно посредством изменения (реформирования) социальных учреждений, повышения уровня образования населения и т.д.

Эти положения социальной физики Кетле легли в основу социологического направления (школы) в криминологии. В русле этого направления акцент делается на изучение не отдельного преступления или преступника, а преступности как массового явления, подчиняющегося статистическим закономерностям. Говоря философским языком, социальный детерминизм Кетле был по своему характеру механистическим.

Преодолеть механицизм Кетле попытался французский криминолог Габриэль Тард (1843—1904), директор статистического бюро Министерства юстиции Франции. Он обратил особое внимание на такое свойство преступности, как ее историческая изменчивость: «Система добродетелей так же, как и система преступления и порока, меняется вместе с ходом развития истории». Как и все криминологи социологического направления, он считал, что причиной преступлений является низкий уровень материальной обеспеченности, культуры, образования населения. Значит, согласно теории факторов, повышение благосостояния и образованности населения должно уменьшить преступность.

Однако анализ уголовной статистики за 50 лет, проведенный Тардом в работе «Сравнительная преступность» (1886), показал, что вместе с ростом благосостояния и уровня образования населения растет и преступность. Причем в более бедных и промышленно менее развитых департаментах страны уровень преступности ниже по сравнению с богатыми. Как объяснить тот факт, спрашивал Тард, что благосостояние и довольство распространились и прогрессировали в одно время с эпидемией убийств? Почему при уменьшении краж хлеба одновременно возросло число краж драгоценностей? Хотя Тард и не смог ответить на им же поставленный вопрос, он, видимо, понял, что нет прямого непосредственного воздействия социальных факторов на преступное поведение, что механизм этого воздействия более сложен и включает в себя какие-то опосредующие факторы. И как нельзя все социальные болезни объяснить болезненным состоянием индивидов, так и закономерности индивидуального преступного поведения нельзя объяснить прямым действием социальных факторов.

Таким образом, Г. Тард первым поставил принципиальный для криминологии вопрос о характере связи социальных факторов (нищеты, безработицы) и

параметров преступности. Ответить на этот вопрос попытался представитель антропологического направления Р. Гарофало. Он выдвинул весьма перспективную идею о том, что мотивирующую роль в совершении преступления играет не уровень бедности как таковой (это величина относительная), а неблагоприятное соотношение между растущими потребностями и возможностью их удовлетворения: рабочему может не хватать заработка, а капиталисту — прибылей.

Русский криминалист М.П. Чубинский возражал Р. Гарофало, поскольку с этой точки одинаково нуждающимися окажутся и бедняк, у которого мало пищи и одежды, и богач, которому его доходов не хватает на шампанское, рысаков и гаванские сигары. Но дело ведь не в содержании «нехватки», а в самом ее факте. Если голод может подтолкнуть бедняка к краже колбасы из магазина, то желание занять рысаков заставляет богача подделывать векселя, уклоняться от уплаты налогов и т.д. Поэтому рост благосостояния сам по себе ведет не к снижению преступности, а к изменению ее форм: если раньше крали галоши и часы, то теперь — компьютеры и музыкальные центры.

Если XIX в. был веком преступности бедных, «синих воротничков», как выражаются американские криминологи, то XX в. породил новый феномен — невиданный рост «беловоротничковой» преступности (этот термин ввел Э. Сатерленд), т.е. преступности представителей высших классов, людей состоятельных, уважаемых, «столпов общества». Позднее Э. Дюркгейм обратил внимание на то, что если биологические потребности имеют свои естественные пределы в свойствах самого организма, то социальные таковых не имеют, они ненасыщаемы, и рост материального благосостояния общества всегда отстает от роста потребностей своих членов.

Еще основоположники марксистской криминологии указывали на значение не самого по себе уровня удовлетворения потребностей, а степени различия в возможности их удовлетворения для разных людей. «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастет дворец, то домик съезживается до размеров жалкой хижины».

Современные криминологические исследования территориальных различий преступности подтверждают, что социальная неудовлетворенность как криминогенный фактор обуславливается не абсолютным, а относительным

значением уровня удовлетворения потребностей.

Состояние преступности коррелируется не с различием в уровне материальной обеспеченности разных социальных групп, а с размером, остротой этого различия.

Прямое использование в криминологических исследованиях данных официальной статистики без их дополнительного анализа не всегда оправданно. Это относится и к статистическим данным об уровне жизни и черте бедности. Повышение среднего уровня благосостояния еще не свидетельствует об уменьшении бедности как таковой: количество бедных может даже увеличиться за счет увеличения разрыва в доходах между богатыми и бедными. Кроме того, бедность как таковую (как криминогенный фактор) характеризует не только ее распространенность (количество бедных), но и глубина (бедность в богатых и бедных странах — не одно и то же) и интенсивность (количество не просто бедных, а самых бедных).

В криминологических исследованиях должна учитываться не только абсолютная бедность (уровень доходов ниже некоторого определенного минимума). Если люди (группы людей) считают свой уровень жизни существенно и неоправданно более низким, чем у других, или ниже, чем свой уровень жизни в прошлом, то такие люди (и целые группы) будут чувствовать и вести себя как находящиеся в ситуации бедности независимо от абсолютной величины их доходов. Это относительная бедность.

Г. Тард первым обратил внимание на такие каналы опосредованного социального влияния, как религия, мода, традиции, значение которых было осознано криминологами только после изучения работ Дюркгейма. Тард ввел в криминологический оборот и такой социально-психологический феномен, как подражание. В работе «Законы подражания» (1890) он отмечал, что социальный организм является по своему существу подражательным, и подражание в обществе играет роль, аналогичную наследственности в живом организме.

Эта идея впоследствии легла в основу теории дифференцированной связи Э. Сатерленда.

Таким образом, с Тарда началось сближение социологического и антропологического подходов, в область криминологических исследований было вовлечено недостающее звено — социокультурные феномены как продукты групповой социальной деятельности людей.

Решающий вклад в это внес, несомненно, выдающийся французский социолог Эмиль Дюркгейм (1858—1917). Для него социальные явления также объективны, как и природные, и их можно изучать научными методами. Социальные явления должны изучаться как вещи, т.е. как внешние по отношению к индивиду реальности. К таким явлениям (или социальным фактам) относятся традиции, религия, мода, моральные нормы и т.д. Они объективны в том смысле, что индивид при появлении на свет застаёт их уже в готовом виде, они существуют независимо от его индивидуального сознания.

В работе «Самоубийство» (1897) Дюркгейм пришел к выводу о том, что источником самоубийств и преступлений является ослабление социальной сплоченности, солидарности между людьми, т.е. социальная дезорганизация. Состояние общества, которое характеризуется отсутствием социальной сплоченности или резким ее ослаблением, Дюркгейм обозначил термином «аномия» (безнормативность).

Аномия как важнейший социальный факт свидетельствует о том, что общество перестало быть регулирующей силой по отношению к своим членам, а люди перестали верить в ценности общества и по этой причине оказались дезориентированными, не способными понять, «что такое хорошо, а что такое плохо». Аномия определяет состояние многих социальных процессов, в том числе преступности.

Для Дюркгейма аномия также связана с коллизией потребностей и средств их удовлетворения. При нормальном состоянии общества существует определенное равновесие между потребностями (их границами) и степенью их удовлетворения. И если биологические потребности находят ограничение в свойствах самого организма, то границы социальных потребностей могут быть только социальными.

Таким регулирующим, ограничительным началом для индивида является общество, но не всякое общество, а обладающее моральным авторитетом. Когда же общество теряет моральную власть над своими членами, способность регулирования и ограничения ненасытных потребностей индивидов, наступает дезорганизация, хаос, аномия.

Состояние аномии вызывает такой рост преступности, что его следует признать ненормальным. Но ненормальным является слишком высокий уровень преступности, а не само ее существование.

Как и Ломброзо, преступность Дюркгейм рассматривал как естественное явление, но, в отличие от него, считал преступность не патологическим, а нормальным явлением, неотъемлемой частью любого здорового общества. Так же, как и Кетле, Дюркгейм придавал большое значение такому свойству преступности, как устойчивость, но в своих выводах пошел значительно дальше. Преступность существует во всех обществах всех типов. Нет другого феномена, который обладал бы столь бесспорными признаками нормального явления, ибо преступность тесно связана с условиями жизни любого общества. Человеку не нравится боль точно так же, как обществу не нравится преступность, и все же боль — функция нормальной физиологии.

Но если какое-то явление устойчиво и постоянно, если оно присуще любому обществу, то в соответствии с концепцией структурно- функционального анализа (одним из основоположников которого был Дюркгейм) оно должно выполнять определенную социальную функцию, функциональное объяснение социального факта должно выявить значение этого факта для сохранения или развития того или иного социального института. Дюркгейм выявил эту функцию преступности, и надо сказать, что это был один из самых смелых его выводов.

Социальная функция преступности, по Дюркгейму, — эволюционная.

Уровень преступности может служить индикатором уровня социального развития. Развитие — это отклонение от установленных норм и правил. Общество должно давать свободу для возникновения отклонений, но свобода неделима: она предоставляет возможность возникновения как положительных, так и отрицательных отклонений.

Если общество не дает такой свободы своим членам (традиционные общества, тоталитарные режимы), то уровень преступности снижается, но при этом замедляется и развитие общества.

Ненормальным является как слишком высокий уровень преступности (аномия), так и слишком низкий (стагнация, застой). С этой точки зрения объяснимо, почему уровень преступности в социалистических странах был много меньше, чем в капиталистических. За свободу и демократию приходится платить, в том числе ростом преступности.

Преступность является не только индикатором общественного развития, она может выступать в роли непосредственно эволюционного фактора, способствующего прогрессивному развитию. Нередко преступления (преступление

Сократа в античности, преступления еретиков в Средние века) подготавливают почву для становления новых форм морали (веротерпимость, свобода совести) и права. Если нарушение какого-нибудь уголовно-правового запрета приобретает массовый характер, это дает повод задуматься: а соответствует ли этот запрет изменившимся общественным потребностям, не становится ли он тормозом для социального развития?

Если довести концепции антропологов и социологов до логического конца, то в первом случае мы имеем «преступного человека» (Ч. Ломброзо), во втором — «преступное общество» (Э. Шур). Антропологическая и социологическая школы сложились в период становления криминологии как науки, но и на более поздних этапах, в новых криминологических концепциях и теориях всегда можно обнаружить проявление этих подходов к изучаемым объектам.

Таким образом, в криминологии изначально сложились два разных подхода к изучению феномена преступности. Они различались философскими основаниями (социальный и антропологический детерминизм), объектами (общество и человек), методами (статистические и антропометрические), предметами исследования (преступность как социальное явление и личность преступника), характером рекомендуемых мер предупреждения (социальные реформы и лечение преступников). Но при всех различиях их нельзя считать абсолютно несовместимыми. И социологическое, и антропологическое направления характеризуются методологическим единством, поскольку оба основывались на «теории факторов». И как Кетле признавал значимость антропологического фактора, так и Ломброзо (не говоря уже о Ферри) не было чуждо социальное реформаторство.

Этапы развития отечественной криминологии

Как правило, в учебниках описание отечественной криминологии начинается с 1917 г. Тем самым ставится знак равенства между «советским» и «отечественным». При этом неоправданно предаётся забвению дореволюционный опыт в развитии отечественной криминологии, игнорируется вклад дореволюционных криминологов (которые называли себя криминалистами) в развитие отечественной криминологической мысли.

Становление криминологических исследований в России в конце XIX в. связано с кризисом классической школы уголовного права и возникновением социологической школы. Хотя еще в 1823 г. академик К.Ф. Герман на заседании

Академии наук прочитал доклад «Изыскание о числе самоубийств и убийств в России в 1819—1820 гг.». Но такого рода исследования властью были признаны политически вредными.

Представители новой школы — М.В. Духовской, И.Я. Фойницкий, М.Н. Гернет, Е.Н. Тарновский, М.П. Чубинский — подвергли критике классическую школу уголовного права за то, что она ограничивается изучением юридических конструкций, и провозгласили главной задачей уголовного права изучение зависимостей между социальной средой и преступностью.

Поскольку первыми русскими криминологами были представители социологической школы уголовного права, то в русской криминологии господствовало социологическое направление, ломброзианство практически не имело влияния. В объяснении причин преступности господствовала теория факторов. Об этом говорят даже названия работ: «Учение о факторах преступности» (Х.М. Чарыхов, 1906 г.), «Влияние времени года на распределение преступлений» (И.Я. Фойницкий, 1898 г.), «Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России» (Е.Н. Тарновский, 1898 г.). Большое внимание в исследованиях уделялось статистике. Показатели преступности в разных губерниях сравнивались с ценами на зерно, распространенностью пьянства, бродяжничества и т.д., и отсюда выводились факторы преступности.

Так же как и их западные коллеги, отечественные криминологи считали главными причинами преступности тяжелое материальное положение и невежество масс, но дополняли перечень и российской спецификой — пьянством. В российской криминологии более, чем в западной, придавалось значение экономическим факторам и социальному неравенству.

Российские криминологи более реалистично смотрели на перспективу искоренения преступности. Они призывали к проведению социальных реформ, но полагали, что это может ослабить зло, но не ликвидировать его полностью: во-первых, есть пределы улучшения социального строя, во-вторых, социальные реформы могут лишь косвенно влиять на антропологические и физические факторы.

Русские криминологи активно сотрудничали со своими зарубежными коллегами: в 1897 г. была создана Русская группа Международного союза криминалистов (руководитель И.Я. Фойницкий).

В тот период уровень развития отечественной криминологии вполне соответствовал общеевропейскому.

После октябрьского переворота 1917 г. ситуация кардинально изменилась, отечественная криминология начинает свой новый этап как бы с чистого листа. Преобладающим становится влияние идей ломброзианства и «социальной защиты». Этот крутой поворот можно объяснить следующими обстоятельствами. В первую очередь, желанием «отречься от старого мира». А «старый мир» стоял на социологических позициях. Дореволюционные криминологи «левого» направления (М.М. Исаев, М.Н. Гернет, Х.М. Чарыхов) приняли революцию и заложили основы советской криминологии. Они подвергли беспощадной критике своих бывших товарищей за буржуазно- либеральный уклон.

Ученые желали соответствовать идеологии. Идеология провозглашала, что с уничтожением эксплуататорского строя и эксплуататорских классов должна исчезнуть и преступность. Получалось, что если при социализме нет социальных корней преступности, а преступность есть, то ее причины следует искать в личности, в «родимых пятнах» капитализма.

Сотрудники новых советских криминологических учреждений были в большинстве медиками, а не юристами, как криминологи дореволюционной школы, им профессионально ближе было изучение личности.

После октября 1917 г. стали создаваться кабинеты и клиники по изучению преступности и преступника. В 1922 г. в г. Саратове был создан Кабинет криминальной антропологии и судебно-медицинской экспертизы с тремя секциями: 1) изучение преступности и преступника; 2) воспитательное воздействие на заключенных; 3) производство экспертиз. В 1923 г. был создан Московский кабинет по изучению личности преступника и преступности (характерно, что работал он при Мосздравотделе). В дальнейшем стали создаваться криминологические кабинеты по всей стране (Киев, Харьков, Ленинград, Ростов, Баку, Тифлис).

В 1925 г. при НКВД был образован Государственный институт по изучению преступности и преступника, директором которого был назначен начальник Главного управления местами заключения НКВД Е.Г. Ширвиндт. В институт входило четыре секции: 1) социально-экономическая; 2) пенитенциарная; 3) биопсихологическая; 4) криминалистическая, а также статистическое бюро. Задача института состояла в координации и проведении криминологических исследований в стране и оказании научно-методической помощи криминологическим кабинетам в

других городах, которые были преобразованы в его филиалы.

В 1920-х гг. вышли в свет работы М.Н. Гернета «Моральная статистика» (1922), «Преступный мир Москвы» (1928), издавались сборники «Проблемы преступности», «Преступник и преступность», «Современная преступность». Криминологами были собраны весьма ценные материалы. Но в начале 1930-х гг. по обвинению в «идеологических извращениях» и «протаскивании буржуазных теорий» криминология подверглась гонениям.

Старт кампании дискредитации положила статья С. Булатова «Возрождение Ломброзо в советской криминологии» (1929). В 1931 г.

Государственный институт по изучению преступности и преступника был реорганизован в Институт уголовной и исправительнотрудовой политики, который, в свою очередь, в 1936 г. преобразован во Всесоюзный институт юридических наук. Криминологические исследования были свернуты, криминологические кабинеты на местах ликвидированы, криминология изъята из программ юридических вузов. В ЦСУ ликвидировали отдел моральной статистики.

Статистика преступлений была переведена в разряд государственной тайны.

Следующий этап развития отечественной криминологии, а точнее — возрождение криминологических исследований в стране, начался во второй половине 1950-х гг. В выступлениях А.А. Герцензона, В.Н. Кудрявцева, А.С. Шляпочникова ставился вопрос о необходимости возобновления криминологических исследований.

К этому времени были «реабилитированы» социология, генетика, кибернетика. В 1963 г. Институт криминалистики Прокуратуры СССР был преобразован во Всесоюзный институт по изучению причин преступности и разработке мер предупреждения преступности, его первый директор — И.И. Карпец. В настоящее время это Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ.

После принятия постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки...» (1964 г.) криминология включается в программы юридических вузов. В 1966 г. вышел первый учебник по криминологии.

Были изданы монографии А.Б. Сахарова «О личности преступника и причинах преступности в СССР» (1961); А.А. Герцензона «Введение в криминологию» (1965) и «Уголовное право и социология» (1970); В.Н. Кудрявцева «Причинность в

криминологии» (1968) и «Причины правонарушений» (1976); И.И. Карпеца «Проблемы преступности» (1969) и «Современные проблемы уголовного права и криминологии» (1976); Н.Ф. Кузнецовой «Преступление и преступность» (1969); А.М. Яковлева «Преступность и социальная психология» (1970). В 1960-х гг. стали разрабатываться проблемы виктимологии (П.С. Дагель, Д.В. Ривман, В.Я. Рыбальская, Л.В. Франк). В 1984 г. группа ведущих криминологов (И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.Б. Сахаров, А.М. Яковлев) за создание основ советской криминологии стали лауреатами Государственной премии СССР.

Была создана Криминологическая ассоциация (президент — А.И. Долгова), которая способствовала развитию и практическому применению криминологических знаний. Ассоциация организует семинары и конференции, издает специальную литературу, участвует в криминологической экспертизе законопроектов, поддерживает связи с зарубежными учеными и международными организациями.

В 1985—1986 гг. вышел первый «Курс советской криминологии» в двух томах (т. 1 «Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник»; т. 2 «Предупреждение преступности»), который подвел итог этого этапа отечественной криминологии.

В 1990-х гг. начинается новый этап в развитии отечественной криминологии. Коренные социально-экономические и политические изменения, произошедшие в России, не могли не сказаться на состоянии криминологических исследований. Необходимо было переосмыслить методологические основы науки, поновому взглянуть на истоки преступности и перспективы ее искоренения, приступить к изучению новых видов преступности (организованной, экологической и т.д.). В короткий срок при активном участии криминологов подготовлены проекты законов, без которых немыслима борьба с современной преступностью: «О борьбе с организованной преступностью», «О борьбе с коррупцией», «Об ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов». В Уголовном кодексе 1996 г. нашли отражение многие идеи, разрабатывавшиеся криминологами, — о преступном сообществе (ст. 35), об уменьшенной (ограниченной) вменяемости (ст. 22) и др.

По инициативе криминологов в настоящее время регулярно разрабатываются общефедеральные и региональные программы борьбы с преступностью. Криминологические исследования стали приобретать все большую практическую направленность

Более тесными и плодотворными стали международные контакты российских криминологов. Свидетельством возросшего авторитета отечественной криминологии стало проведение в России международных конференций и симпозиумов по проблемам преступности и защите жертв преступлений.